

УДК 94

DOI 10.23683/2018.1.1.5

**Иномир Кавказа: на пороге открытия
(об одном из опытов «невольного сближения» россиян и горцев)**

С.Л. Дударев

*Армавирский государственный педагогический университет,
г. Армавир, Россия*

Д.С. Дударев

г. Москва, Россия

Аннотация: Данная работа посвящена рассмотрению того раздела мемуаров офицера российского Генштаба барона Ф.Ф. Торнау, выполнявшего разведывательные поручения командования на Северо-Западном Кавказе (1830-е гг.), который касается его нахождения в плену у горцев. Авторы анализируют оставленные одним из наиболее компетентных «кавказских пленников» сведения, позволяющие больше узнать о специфике пребывания россиян в неволе. Они обращают внимание на необычный статус пленного офицера как «гостя поневоле» (пленника-гостя), акцентируя внимание на особенностях поведения Торнау, которые учитывали горскую ментальность и позволяли ему, несмотря на свое подневольное положение, сохранять уважение со стороны своих «хозяев». Поведение Ф.Ф. Торнау в плену характеризует его как идейного офицера, который не идет на выкуп себя из плена, чтобы не поощрять горской практики захвата пленников. Торнау дает интересные характеристики ряда представителей горского общества. Ф.Ф. Торнау видит среди горцев человеческие личности, достойные понимания и уважения. Его отзывы о них в целом лишены негативизма и высокомерия в духе т.н. ориентализма. Вершиной суждений Торнау является фраза, вынесенная в заголовок статьи, говорящая о его гуманистическом подходе к представителям горского иномира.

Ключевые слова: «кавказские пленники»; пленопродавство; гость поневоле (пленник-гость); кунацкая-тюрьма; хаджи, хажрет (хаджирет); Кавказская война; харам; халяль; «благородный дикарь»; ориентализм; иномир (другой мир).

Для цитирования: Дударев С.Л., Дударев Д.С. Иномир Кавказа: на пороге открытия (об одном из опытов «невольного сближения» россиян и горцев) // Caucasian Science Bridge. 2018.1(1). С. 74–86.

**The Other World of the Caucasus: on the Threshold of the Discovery
(One of the Experiences of the “Unwilling Rapprochement” of Russians and Highlanders)**

Sergey L. Dudarev

*Armavir State Pedagogical University,
Armavir, Russia*

Dmitry S. Dudarev

Moscow, Russia

Abstract: This work considers the section of memoirs written by Russian General Staff officer Baron F.F. Thornau (he carried out reconnaissance missions in the North-Western Caucasus in 1830s), which concerns his time being held captive by the mountaineers. The authors analyze information from one of the most competent “Caucasian captives”, which allows them to learn more about the specifics of Russians' stay in captivity. They pay attention to the unusual status of the captive officer, the involuntary guest (prisoner-guest), with a particular focus on Thornau's behavior, who took into account the mountain mentality, thus being able to maintain respect from his “masters” despite his servitude. F.F. Thornau's Behavior in captivity describes him as an ideological officer who does not buy himself out of captivity, so as not to encourage the mountain practice of capturing prisoners. Thornau gives interesting characteristics to some representatives of the mountain society. F.F. Thornau sees the mountain people as human beings, worthy of understanding and respect. His accounts of them are generally devoid of negativism and arrogance in the spirit of the so-called Orientalism. The verdict of Thornau's judgments is the phrase pronounced in the title of the article, which speaks of his humanistic approach to the representatives of the mountainous Inomir.

Keywords: “Caucasian captives”; plenoprodavstvo (sale of prisoners); involuntary guest (prisoner-guest); kunatsky-prison (Guest-room prison); haji; hajret (hajiret); Caucasian war; haram; halal; “The noble savage”; Orientalism; Inomir (The Other world).

For citation: Dudarev S.L., Dudarev D.S. The Other World of the Caucasus: on the Threshold of the Discovery (One of the Experiences of the “Unwilling Rapprochement” of Russians and Highlanders) // Caucasian Science Bridge. 2018.1(1). P. 74-86.

Мемуары барона Ф.Ф. Торнау (*Торнау, 2000*) относятся к тому пласту отечественной литературы XIX в., который является отражением впечатлений россиян, побывавших в плену у горцев (*Вердеревский, 2013*). Тема «кавказских пленников» первой половины указанного столетия берет истоки в творчестве классиков отечественной литературы (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой) (*Каганович, 2009*). С конца XX в., но особенно в начале XXI в. интерес к теме возрастает, что нашло свое отражение в целом ряде работ отечественных историков-кавказоведов (*Великая, 2013. С. 84–91; Великая, 2015. С. 90–101*).

Воспоминания Ф.Ф. Торнау особенно интересны тем, что являются наиболее квалифицированными с точки зрения пребывания россиянина в горском плену во всем собрании «пленнической» литературы. Торнау – необычный пленник. Это российский разведчик, офицер Генштаба, весьма компетентный и, можно сказать, подготовленный к случившемуся с ним человек. Он обладал, говоря современным языком, экспертными знаниями о горской этносоциокультурной среде, был способен предугадать, что могло ожидать пленного исходя из его статуса, и выстраивать модель поведения в соответствии с этим. Помимо этого, Торнау являлся человеком особого склада, присущего для людей его профессии, а именно обладал недюжинной выдержкой, навыками управления своим психоэмоциональным состоянием.

Уже в самом начале описания своего пребывания в плену Ф.Ф. Торнау делает одно очень важное пояснение: «Меня схватили не в открытом бою, а заманив к себе обманом; поэтому я считался у них не обыкновенным пленным, а **гостем поневоле** (выделено нами. – Авт.)» (*Торнау, 2000. С. 206*). Иными словами, сам Торнау дает определение своему статусу в плену, чего нет в мемуарах ни у одного из россиян, оказавшихся в таком же положении. Он четко понимает, что его пленили в лесу, а не в той же кунацкой (комнате для гостей), что было бы нарушением закона гостеприимства. Пленник отдает себе отчет и в том, что на первых порах бегство было невозможно, его следовало долго готовить. При захвате Торнау предавшие его кабардинцы, из которых один (Аслан-Гирей) был князем, а другой (Джансеид) имел почетное прозвище «хаджи», кричали российскому офицеру, как простые грабители: «Давай деньги и часы!». Ничего удивительного в этом не было, если вспомнить описание случаев взятия в плен других россиян: с ними происходило примерно то же самое. Но случай с Ф.Ф. Торнау был особым. Несмотря на такое прозаическое начало, читатель становится свидетелем особой церемонности хозяина пленника. На другой день плена Торнау «подавали кушанье как бы гостю»; А. Тамбиев, который и был инициатором захвата Торнау, отказывался садиться с пленником за один стол и одновременно постоянно интересовался при этом, какой за него будет выкуп. Подобным же образом вел себя и другой похититель, Аслан-Гирей, относясь к Торнау не как к пленному, а как к гостю. Когда того ввели в кунацкую А. Тамбиева для переговоров о выкупе, то присутствовавшие там его похитители поднялись и сели не раньше, чем Торнау занял место на приготовленной для него подушке. В отношениях захвативших Торнау кабардинцев со своим пленником большое значение имела общественная среда их родины. Население Кабарды было более социально стратифицированным, нежели, например, жители Чечни или т.н. вольные общества Дагестана, а также «демократические» общества Западного Кавказа. Немаловажное значение здесь имела статусность пленника.

Тамбиев, узнав у Торнау, что тот дворянин старинного рода, не стал принуждать его к работе, так как сам был черкесским дворянином, гордившимся своим древним происхождением. Этим обстоятельством пленник впоследствии научился пользоваться и не давал неучтиво обращаться с собой. Когда А. Тамбиев начинал грубить, российский офицер спрашивал его: «Ты дворянин или холоп?» (здесь и далее

курсив наш. – *Авт.*), после чего тон обращения менялся. Этим приемом Ф.Ф. Торнау пользовался даже тогда, когда дважды бежал из плена, что помогло ему избежать неизбежных в таких случаях жестоких побоев и пыток.

Впрочем, несмотря на специфический политес, на четвертый день Ф.Ф. Торнау был заключен в цепи, что, как он сам же и пишет, было неизбежно для пленника у черкесов. В то же время это намерение вызвало сопротивление у Торнау. Очень важно, что заявил Тамбиев в обоснование этого шага и в убеждение пленника не противиться происходящему: «...ты мужчина, у тебя есть усы и борода, мы тебя обманули, и ты сам будешь стараться обмануть нас». А далее следуют ключевые слова, обозначающие главную причину надевания оков: «*мужчину, который родился не рабом, можно удержать в неволе одним железом*» (Торнау, 2000. С. 208). Подобных пояснений не делал больше никто из горцев в известном нам мемуарном материале, оставленном россиянами. Пленникам в таких случаях, как правило, было понятно одно – они должны находиться в цепях, которые являлись главным признаком их несвободы и унижительного положения невольника. То, что за этим стояли причины, едва ли не возвышающие захваченного человека в собственных глазах (оковы – указание на его статус *свободнорожденного!*), им, как правило, и не приходило в голову.

История пленения барона Торнау показательна и с еще одной стороны. Он тщательно скрывал свои физические страдания, зная, что только полным пренебрежением физической боли и равнодушием к опасности можно заслужить уважение черкесов. Кроме того, он «поставил себе за правило не переносить от них ни малейшего нравственного оскорбления и в этом отношении достиг своей цели» (Торнау, 2000. С. 212). Российский офицер, несмотря на свое тяжелое положение невольника, никому не давал уронить свое достоинство. Горцы, крайне чуткие к такого рода проявлениям человеческой природы, неоднократно оценили самоуважение Торнау. Например, абадзех Хуцы, из-за жесткого конфликта с которым российского офицера едва не казнили, для того, чтобы загладить вину перед несправедливо обиженным им пленником, заработал барана, бросил его к ногам Торнау. «Хуцы доказал мне, – пишет Ф.Ф. Торнау, – в этом случае, что в его полудикой груди, под лохмотьями, скрывались чувства, которыми может похвалиться не каждый образованный и даже высокорожденный человек» (Торнау, 2000. С. 248).

Наиболее важным вопросом для многих пленных был вопрос о выкупе. Мы говорим – «многих», но не всех, потому что у целого ряда пленников соответствующих средств, ввиду их финансового положения (крестьяне, солдаты, казаки), для выкупа не имелось, и им оставалось надеяться только на обмен или побег (или же прибегнуть к «натурализации» в горской среде, т.е. принятию ислама). Казалось бы, положение Торнау было счастливым исключением. Выкупить из плена ценного специалиста, каким, несомненно, был этот разведчик, был согласен сам император Николай I (Торнау, 2000. С. 217). В то же время для освобождения Ф.Ф. Торнау, по его собственному признанию, власти были готовы сделать многое, «но без ущерба для значения русской силы и прав в глазах горцев». В этом и заключалось значение прецедента с Торнау не только для данного конкретного случая, но и для всей системы взаимоотношений России с горцами. Похитившие российского офицера горцы совершили преступление, за которое властям их следовало наказать. Но, с другой стороны, вызволить на свободу Торнау в сложившейся ситуации можно было только выкупом, причем за очень большие деньги (Торнау, 2000). Получалось, что вместо наказания следовала награда, которая демонстрировала горцам слабость командо-

вания¹ и толкала их на новые подобные дела. Ф.Ф. Торнау как идейный разведчик хорошо это понимал. Получив от ген. А.А. Вельяминова право самому назначить себе выкуп, Торнау отверг всякую возможность такового и попросил в ответ наказания обманщикам, «в пример другим» (*Торнау, 2000. С. 239*). Содержание его записки командованию, как отмечал Торнау, неизвестными путями попало в Times, пока он еще был в плену. Полагаем, что это было одновременно и указание на необычный уровень пленника, и показательная PR-акция российских властей, знавших о связях адыгов с английской агентурой (Белл, Спенсер, Лонгворт) (*Амбарцумян, 2015*), находившейся в то время среди них.

Неуступчивость и принципиальность Торнау в вопросе о выкупе вызывали растущее недовольство похитителей. Положение пленника становилось все хуже: окопы, недостаток одежды, катастрофическое положение с гигиеной, голод, безнадежность. И это вполне понятно: стойкая позиция Ф.Ф. Торнау не только приносила ему определенные моральные дивиденды в глазах некоторых участников всей этой истории, но и ставила его во все более сложное положение.

Постоянная нелегкая борьба с самим собой и тяжелыми окружающими обстоятельствами, не имевшая видимой перспективы (выкуп, как и вариант с «натурализацией», был отвергнут офицером, а «спецоперации» по освобождению пленника никто не предпринимал), привела к двум попыткам бегства россиянина. Но они закончились неудачно.

После вторичного побега Торнау были созданы самые тяжелые условия содержания. Вся одежда, кроме рубашки и шаровар, у пленного офицера была отобрана. Питание было крайне скудным. Пленник был прикован за шею, ему были скованы также и ноги. На руки кандалов, как с горькой иронией отмечал Торнау, уже не нашлось. Он находился в крепком деревянном срубе с потолком, не существующим, по верному замечанию пленника, в обыкновенных черкесских постройках. Внутри этой «избы», которую Тамбиев использовал еще и как кунацкую, был сделан небольшой сруб из толстых бревен вроде ящика, в котором можно было лежать или сидеть, но встать было нельзя и где царила крошечная тьма. Этот меньший сруб закрывался на два запора и замок. Словом, пленник находился в *кунацкой-тюрьме* (парадоксальное, но очень знаковое в случае с Торнау сочетание!).

Ситуация, длившаяся три с лишним месяца, была настолько безвыходной, что первоначально молодой офицер, отличавшийся большой силой воли, подумывал о суициде. Эти устремления сменили попытки придумать способ освобождения. Торнау помог и «аутотренинг», близкий к парапсихологии: пленник «программировал» свои сны как способ снятия стресса и предотвращения безумия. Неизвестно, как долго Ф.Ф. Торнау смог бы еще продержаться в своем заточении, поскольку при наступлении холодов у него началась лихорадка (*Торнау, 2000. С. 279–283*). Но здесь неожиданный поворот событий изменил положение дел.

Погиб один из похитителей Ф.Ф. Торнау князь Аслан-Гирей, павший жертвой мести черкесов. Тамбиев испугался в одиночку нести ответственность за пленение важного российского военного и согласился, ввиду ухудшения состояния здоровья своего «гостя», на выкуп в 12 тыс. руб. серебра и перевод его на лечение к хаджи Джансеиду. Отсюда Торнау и выкрал лояльный властям князь Карамурзин, причем не без ведома самого хаджи, еще ранее проникшегося уважением к пленнику...

Однако история пребывания в плену у горцев Ф.Ф. Торнау была бы намного менее интересной и поучительной, если бы мы оставили вне поля зрения те вырази-

---

¹ Проблема с выкупом российских пленных в XIX в. звучит сегодня очень современно. Именно такими же соображениями руководствуются сегодня те правительства и силовики, которые отказываются вести переговоры с лицами, захватившими заложников.

тельные эпизоды, которые очень существенно дополняют картину взаимоотношений российского офицера и горцев и являются предметом нашего главного внимания в данной статье.

Торнау, несмотря на постигшие его тяжелые испытания и нешуточные лишения, как правило, воздерживается от употребления по отношению к горцам, в том числе доставившим ему немало страданий, оскорбительных эпитетов вроде «варвар», «дикарь», «хищник», и т.п., встречающихся у ряда российских авторов первой половины XIX в. В то же самое время бывший пленник не идеализирует в своих мемуарах горскую сторону, порой используя по отношению к отдельным людям нелестные выражения. Например, раб Тамбиева осматривает офицера с «диким любопытством» (*Торнау, 2000. С. 206*), в другом месте – «бессмысленными глазами» (*Торнау, 2000. С. 207*). С неприязнью Торнау пишет о сторожившем его мальчишке и крайне неприятном, особенно в начале, обществе пленного ногайца Абдул-Гани. Однако указанные эпитеты и проявления негативизма отнюдь не превалируют в мемуарах россиянина.

Его характеристика черкесского дворянина вообще весьма достоверна с исторической точки зрения. Она совпадает с теми аттестациями, которые давали горцам и другие офицеры, воевавшие на Кавказе, в том числе декабристы (например, А.А. Бестужев-Марлинский): «езды на грабеж или, куря трубку, целый день стругают кинжалом палочку» (*Бестужев-Марлинский, 1958. С. 301*) и т.п. Небезупречен и образ мирного горца («У редкого мирного черкеса, ногайца или иного горца не лежало на совести против русского закона какого-нибудь тайного грешка...») (*Торнау, 2000. С. 220*). Впрочем, указание на «грешки» невозможно рассматривать как констатацию Торнау некоей тайной злонамеренности горцев. Те правила и порядки, которые предлагались российской стороной северокавказскому населению (*Записка князя Г.Р. Эристова ... , 2015. С. 207–214*), были присущи феодально-бюрократическому обществу, каким была самодержавная Россия, не допускавшему военно-демократических вольностей, какие были все еще милы сердцу лихих горских джигитов, пусть и мирных. Что же касается воровства немирных горцев, упоминающегося у Торнау, как в той части его «Воспоминаний», которые касаются кавказской эпопеи до пленения («воровство считается, по их понятиям, за весьма почетное ремесло; стыдно только быть пойманным на деле») (*Торнау, 2000. С. 124*), так и после него, то Торнау, как уже отмечалось специалистами (*Виноградов, Гусева, 2002*), едва ли не первым делает попытку отойти от безоговорочного осуждения горского пленопродавства. Необходимо констатировать стремление автора рассматривать этот феномен в историческом контексте эпохи и ее реалиях. Мучительно страдая в плену, он без слепой враждебности и неприятия воспринимает и оценивает наблюдаемый им мир черкесской личности, стремится понять то, что мы назвали бы сегодня горской ментальностью: «Не оправдывая черкесов в этом деле (т.е. плен о продавстве. – *Авт.*) я не буду и строго судить их» (*Торнау, 2000. С. 179*).

Торнау в целом весьма высоко оценивает своих горских противников, особенно джигитов: «Черкесы, храбрые по природе, с детства привыкшие бороться с опасностью, в высшей степени пренебрегают самохвальством. Самые смелые джигиты (молодцы) отличаются у них необыкновенной скромностью, говорят тихо, никогда не хвастаются своими подвигами, готовы каждому уступить место и замолчать в споре; зато в деле они совершенно перерождаются и на действительное оскорбление отвечают оружием с быстротою мысли, без угрозы, без крику и брани» (*Торнау, 2000. С. 252*).

Он дает тем или иным черкесам индивидуальную характеристику, достойную, как надо полагать, их человеческих качеств, и в ряде случаев по их поступкам мы

можем убедиться в правоте Ф.Ф Торнау. Еще перед пленом он характеризует, например, Аслан-Гирея как отталкивающую личность, у которой «сквозь тихий и медленный разговор, сквозь полузакрытые глаза и сдержанные движения проглядывала кошачья натура тигра» (Торнау, 2000. С. 194). А Тамбиев – это «человек исполинского роста, с незлобным, но глупым лицом». Или вот характеристика Алим-Гирея, который был «не трус, но человек добродушный и рассудительный в сравнении с другими горцами, избегавший, сколько можно, раздражать русских против себя и своего народа», но не понимавший причин военных действий российских войск против черкесов (Торнау, 2000. С. 249).

Отдельно остановимся на персоне хаджи Джансеида, портрет которого возникает из-под пера Торнау. Уже в самом начале их знакомства Джансеид получил аттестацию как человек, «действительно замечательный по своему уму и по храбрости» и имеющий «в себе нечто располагающее в его пользу». Этот горец еще в самом начале предстал перед россиянином в самом экзотическом виде – в кольчуге, вооруженный луком и стрелами. Кабардинский воин принадлежал к «панцирникам» – наиболее репрезентативной части вооруженных формирований у адыгов. Несмотря на свои 70 лет, он был в прекрасной форме, постоянно участвуя в военных действиях. Внешний вид Джансеида был характерен для представителей черкесской элиты. Тем не менее хаджи не был знатного рода, не принадлежал к числу первостепенных кабардинских узденей. Однако личные качества этого незаурядного человека нередко ставили его выше и самых именитых князей. Именно ему горцы поручали военное руководство своими набеговыми партиями в случаях, требующих наибольшего умения, опыта и авторитета. Хаджи Джансеид, которого Торнау характеризует как человека, замечательного по уму и храбрости и располагающего к себе некими скрытыми качествами, несомненно, был личностью харизматичной. И это совершенно не вязалось с манерой не смотреть в глаза собеседнику, т.е. Торнау был этим неприятно удивлен и насторожен. Надо полагать, что, как человек честный, Джансеид испытывал чувство неловкости в связи с необходимостью обманывать русского офицера для его дальнейшего похищения.

Не желая подчиниться российским властям, бежавший из Кабарды хаджи, потеряв все свое имущество, сумел разбогатеть на новом месте жительства, приобретя красивый и вместительный дом, собрание богатого оружия, значительные стада скота и несколько десятков семейств зависимых людей. Это удалось Джансеиду, как с иронией сообщает Торнау, «разумеется, не плугом и топором, а с шашкою в руках», т.е. благодаря участию в набеге. Таков был типичный путь военного предводителя, характерный для обществ, находившихся на ступени т.н. военной демократии. Примечательно, что кавказские офицеры, среди которых было немало хорошо образованных людей, отмечали большое сходство быта черкесов с описаниями, присутствующими в «Германии» Тацита или «Комментариях» Цезаря (Венюков, 2011).

Джансеид как незаурядный горский вожак, совершивший двукратный хаджж, был по сути т.н. *хажретом* (*хаджиретом*). Под этим термином, но произносимым как «гаджерет», Ф.Ф. Торнау подразумевает беглецов из Кабарды, с Кубани и других мест, которые вели борьбу за веру (Сталь, 2011). Такой деятель должен был фанатично воевать против «гяуров», не испытывая к ним никакой жалости. Однако хаджи Джансеид был личностью, трезво и адекватно оценивавшей ситуацию. Он, например, нисколько не сомневался в конечной победе русских, хотя и ошибочно считал, что это произойдет еще очень не скоро. Находясь в хаджже, Джансеид неоднократно общался с теми или иными лидерами мусульманского мира (правителем Египта Мухаммедом Али и его сыном) и не имел никаких иллюзий относительно их помощи горцам в борьбе за свою независимость (Торнау, 2000. С. 196). Весьма показателен следующий

отрывок из мемуаров Торнау, характеризующий положение дел глазами хаджи: «Если бы черкесы были умнее, не ссорились бы между собою и не резали друг друга, – века прошли бы до вашего утверждения в горах. Я сам не располагаю покориться. В мои годы неприлично покинуть дело, за которое я дрался шестьдесят лет и пролил столько крови. Не могу более подчиняться чужой воле, новому закону и изучать новые порядки. Умру чем родился. Сын мой моложе, ему легче будет привыкать к новому порядку вещей, когда Аллаху будет угодно отдать горы во владение русским, если только не предпочтет он в этом случае лечь в могилу возле своего отца» (*Торнау, 2000. С. 289*). В этом своего рода личном манифесте Джансеид очень точно подмечает весьма важные черты общественного быта и ментальности горцев, которые по большому счету налагали большой отпечаток на российско-северокавказские отношения в целом. Это отсутствие единства у черкесов, привычка к свободе в ее горском понимании и уважение к традиции многолетней борьбы, осознание невозможности принятия нового порядка вещей человеку в возрасте; признание за сыном, шире – молодежью, может быть даже потомками, *другого выбора*.

Стоит отметить, что, забирая пленника от Тамбиева к себе, хаджи прекрасно понимал, что пленник может и бежать, чему он не собирался препятствовать. Джансеид даже гарантировал Тамбиеву отплату трех тысяч рублей как гарантию формальных обстоятельств вокруг пленного, вплоть до смертельного исхода (*Торнау, 2000. С. 290*). Это было не только проявлением (а возможно, и не столько) великодушия человека, проникшегося уважением к своему пленнику-гостю за его мужественное поведение в неволе, но и результатом трезвого расчета. Не исключено, что это была часть денег, обещанных хаджи князем Карамурзиным и командованием. Возможно, именно поэтому, понимая, что его резон ясен и пленнику, хаджи сказал Торнау при прощании в момент ухода в набег: «Вспомни обо мне с меньшей горечью, когда позже, между своими, ты встретишь на пути столько же расчета, хитрости и обмана, как у черкесов». С другой стороны, он прямо указал российскому офицеру на то, что тот сам в немалой степени виновник своих бедствий и приключений: «Ты молод и честолобив, иначе ты не решился бы сунуть свою голову в пасть волку, заехав один в горы, к черкесам». Не может не вызывать интереса вывод, который сделан хаджи Джансеидом в заключение их последнего с Торнау разговора: «*Вся разница в том, что у нас чаще всего бьют пулю и кинжалом, а у вас убивают человека коварными словами да грязным пером*» (*Торнау, 2000. С. 290*). Это не лишнее справедливости суждение (*Кундухов, 2013*)¹, по сути дела, призвано было продемонстрировать превосходство архаичного, но живущего по законам чести общества над цивилизованным социумом, который утратил рыцарское отношение к противнику. Впрочем, жизнь Торнау у Тамбиева, подвергавшего офицера изощренным мучениям с целью получить за пленника солидную сумму денег, показывает, что старинные родовые доблести вполне уживались у горцев со стремлением к материальным благам хотя бы и с помощью торговли людьми (*Клычников, Цыбулькинова, 2011*). Однако таковы были реальные понятия и нравы в среде кавказцев на стадии перехода к феодальному обществу от поздне родовых отношений.

Финал воспоминаний Торнау, связанный с судьбой хаджи Джансеида, весьма красноречив. Оба знакомых встретились друг с другом несколько лет спустя в бое-

---

¹ Джансеид произнес эти слова тогда, когда на всю Россию уже прогремело: «Погиб поэт, невольник чести, пал, оклеветанный молвой...». Вывод хаджи показывает хорошее знание наиболее осведомленными горцами отрицательных черт российской действительности. Впрочем, яркий феномен северокавказского просветительства явно свидетельствует в пользу того, что самые выдающиеся представители горских социумов видели не только пороки и язвы российского общества, в чем преуспел известный М.А. Кундухов, но и те широкие перспективы, которые сулило горцам приобщение к России.

вом столкновении. Заметив друг друга, они обменялись поклонами (!) (*Торнау, 2000. С. 295*). Подобная сцена, когда противники раскланивались на поле боя, как два джентльмена в опере, была возможна, пожалуй, только во время Кавказской войны. Ее специфические особенности выразительно подчеркивают известные российские ученые-кавказоведы (*Дегоев, 2015*). В силу подобных особенностей Кавказоведческая школа В.Б. Виноградова именуется эту войну так называемой, заключает указанное название в кавычки и т.п., вплоть до полной замены термина на иные дефиниции («интеграция», «северокавказский кризис» и др.) (*Виноградов, 2007. С. 51*). Но вернемся к героям нашего повествования. После поклонов хаджи Джансеид вместе с братьями-черкесами бросился рубить казаков, лежавших в засаде. В ответ Торнау послал навстречу противнику оружие и хаджи был сражен смертоносной картечью... Так, при драматических обстоятельствах, возникал тот мир, в котором мы живем сегодня. О том, что он достался в тяжелой борьбе, взаимном отталкивании и трудно, мучительно, но нарастающем, несмотря на бурные перипетии XIX, а затем и XX в., притяжении обеих сторон, нужно помнить всегда. Адыгский поэт И. Машбаш образно написал об этом так: «Как сложен был и крут невыносимо // Неторный путь к тебе, моя Россия».

Особая тема – это отношение Ф.Ф. Торнау к черкесским девушкам и женщинам. Она особенно привлекает нас тем, что традиция описания взаимоотношений «кавказских пленников» и черкешенок имеет корни, восходящие к А.С. Пушкину и М.Ю. Лермонтову и продолженные затем Л.Н. Толстым. Эта тема получила отражение как в мемуарах других пленников, так и в работах об их пребывании в плену у горцев, написанных от третьего лица, превращаясь порой в некое дежурное, само собой разумеющееся место. Так, по Е. Новиковой-Зариной, «все молодые черкешенки без исключения добры и жалостливы к пленным... бывали... случаи, что с опасностью для жизни они выпускали пленных на свободу» (*Новикова-Зарина, 2011. С. 53*). Здесь важно понять, что в отношениях такого рода было неким литературно-романтическим штампом, навеянным известными произведениями двух гениев русской словесности с одинаковым названием «Кавказский пленник», порожденным временем и средой (*Тютюнина, 2011. С. 114*) и перераставшим порой в миф, а что соответствует историческим реалиям.

Мемуары Ф.Ф. Торнау, в силу их высокой степени документальности и объективности, могут служить качественным источником для понимания отношений между российскими пленниками и горскими представительницами прекрасного пола.

Пленник проявлял интерес к положению женщин и девушек в целом, отмечая умение черкешенок высших классов читать и писать по-турецки (что одновременно указывает на цивилизационную ориентированность адыгов), знание ими Корана и умение вести переписку, трудолюбие, отмечает немалую свободу девушек и одновременно их целомудренность, касается и статуса замужних женщин и вдов (*Торнау, 2000. С. 219*). К характеристике черкешенок Торнау обращается неоднократно. В другом месте своих «Воспоминаний» он углубляет свое описание противоположного пола горцев, выделяя то, что черкешенки «вообще хороши, имеют замечательные способности, чрезвычайно страстны, но в то же времени обладают необыкновенною силою воли». Главная цель черкешенок, убежден Торнау, – «выйти замуж за бесстрашного воина и чистыми попасть в его объятия» (*Торнау, 2000. С. 255*). Пленник был весьма высокого мнения о способностях и свойствах души Аслан-Коз. Кроме того, российский офицер, не будем забывать, был молодым человеком, уже не первый месяц (а потом и год) поневоле соблюдавшим строгий мужской пост. Не следует удивляться его кокетничанью с красивой девушкой, вызывавшей у пленника симпатию и, в свою очередь, стремившейся завлечь нравившегося ей парня, но без нарушения му-

сульманского нравственного кодекса, с объяснением предмету своих чар того, что является по понятиям исламской морали харамом (запрещенным) и халялем (дозволенным) (у Торнау – «халил»). Аслан-Коз для Торнау по большому счету не просто привлекательная черкешенка, с которой у него имелись взаимные симпатии, и приятный для пленного офицера человек, скрашивающий ему тоску и страдания плена. Она – культурный проводник пленника в иномире и одновременно испытание для него в верности своим ценностям. Аслан-Коз учила Торнау черкесскому языку и мусульманским молитвам, более того, занималась с Торнау тем, что называется прозелитизмом, т.е. стремилась обратить в свою веру представителя *другой религии* (а не «язычника»): разъясняла ему суть мусульманского учения, миссии Мусы, Исы и Мухаммада, *аттестуя учение Исы как превышающее человеческие силы и слишком строгое*. За этим стоял прямой намек: откажись от него – и твое положение во всех смыслах станет гораздо легче. Неоднократно Аслан-Коз побуждала Торнау принять ислам, что сразу даст ему другую жизнь. «Шариат решит дело», – говорит она (*Торнау, 2000. С. 235*). За предложениями красавицы стояли и прямые надежды ее соплеменников (понимавших, что в их руках – непростой пленник) на принятие Торнау в свою среду (через смену идентичности) и успешное использование его, офицера Генштаба, знаний в войне против российской стороны. В то же время было бы неверно думать, что Аслан-Коз была подслана к нужному горцам иноверцу во что бы то ни стало добиться своей цели. Красавица была горда, со всей очевидностью однажды доказав это пленнику и дав понять, что отвержение им ее матримониальных планов ей неприятно и глубоко ранит. Сама же она обращалась к горской молодежи мужского пола, насмешливо задевавшей ее чувства, со словами, многое объяснявшими в ее поведении: «...вы отгадали, я желаю быть его женою, а из вас никого знать не хочу: русский все знает, все понимает, с ним есть о чем поговорить; а вы что? – совершенные невежи». Русский офицер был, что совершенно очевидно, самой лучшей партией для умной и яркой девушки: мужественный, образованный, обладавший уникальным для местной среды культурным опытом. Но ответ пленного, испытывавшего явный соблазн красотой и молодостью незаурядной черкешенки, был неизменен и тверд: «Не могу ни менять веры, ни драться против моих братьев русских» (*Торнау, 2000. С. 236*). При всем том чувства Аслан-Коз к российскому офицеру не изменили ей до конца. Будучи в курсе всех планов обоих его побегов и посильно помогая Торнау в его стремлении обрести свободу, черкешенка до самого конца держала намерения своего возлюбленного в тайне.

Думаем, что история, поведенная Ф.Ф. Торнау, о его отношениях к прекрасной черкесской девушке, вполне убедительно говорит о том, что между российскими пленниками и черкешенками в самом деле могли быть приязненность и взаимный интерес, которые иногда могли перерасти в нечто большее. Насколько данная ситуация была типичной, это сложный вопрос, на который вряд ли когда-либо будет дан утвердительный ответ. Для нас ясно главное – перспектива лирических отношений между представителями двух сторон была положительной только в том случае, если пленник принимал ислам. Принятие же горянкой христианства как такое же обязательное условие, но уже в случае выхода замуж за россиянина на территории, контролируемой российскими властями, могло иметь место только в том случае, если у нее не было родственного этнического окружения. Религия как в том, так и в другом случае была средством интеграции в чуждую этнокультурную и конфессиональную среду, и это «правило игры» по большому счету является руководящим и сегодня в Северо-Кавказском регионе.

Впрочем, укажем на еще одну важную черту положения Ф.Ф. Торнау, связанную с его статусом пленника: нигде в своих «Воспоминаниях» он не говорил о том, как же

обращалась к нему Аслан-Коз (как, впрочем, и мужчины-горцы), каким именем называла россиянина. Ведь из известной нам литературы о «кавказских пленниках» горянки и горцы именовали пленников Иванами (Ивасями) или индивидуальными прозвищами (С. Беляев, находившийся среди чеченцев, именовался ими Судар, т.е. сударь, почетное обращение, слышанное ими от русских), но никогда не называли их по собственному имени. Пленник – это субъект, не имеющий личности (в этом смысле он скорее объект), и адекватного имени у него быть не может. Свойства личности и, соответственно, имя обретаются тогда, когда пленник становится для хозяев *одним из них* через «натурализацию», смену идентичности. Тогда он может стать, например, Идрисом, как один из переводчиков имама Шамиля. При всем внимании к Торнау со стороны его горских «партнеров», в том числе и Аслан-Коз, судя по мемуарам этого российского офицера, адыги к нему обращались только на «ты» (*Торнау, 2000. С. 170*)¹. Данный пленник, очевидно, также не именовался горцами своим собственным именем. В этом отражалось его пограничное состояние (как и всех пленных, прежде всего христиан), которое завершилось только с окончанием эпопеи пленения.

Подводя итоги нашего анализа, необходимо сказать, что история плена Ф.Ф. Торнау – одна из самых показательных из всего сериала литературы о «кавказских пленниках». В центре ее – человек, который оказывается, как и ряд других его товарищей по несчастью, в экстремальной ситуации горской неволи. Ситуация Торнау при всей ее внешней типичности (захват в плен – жесткое (или жестокое) и неотступное вымогательство выкупа – мучения пленника, удачный / неудачный побег и т.п.) имеет свою специфику, относясь к тем редким случаям, которые можно аттестовать как парадоксальное положение «пленника-гостя». Этот тип пленников характерен статусом, который обусловлен их происхождением, в том числе этническим (ногайский князь Таганов) (*Тютюнина, 2011. С. 42–44*) или служебным положением (Торнау) (редко – тем и другим вместе: княгини Чавчавадзе и Орбелиани, фрейлины императорского двора) (*Вердеревский, 2013. С. 155–348*), которые вызывают у горцев явно завышенные (и несбыточные) ожидания в отношении выкупа; либо особой манерой поведения, подразумевающей попытку пленника заслужить доверие и расположение хозяев, для облегчения своей участи (С. Беляев). Но у статуса Торнау есть и еще одна редкая форма – это «пленник идейный». Такой фигурант отрицает любой выкуп, тем более несоразмерный, чтобы противнику было неповадно выдвигать подобные требования впредь. В данной своеобразной, ни на что не похожей нише статус Торнау был связан не только с его положением офицера Генштаба и прямой заинтересованностью императора в освобождении этого офицера, но и с теми качествами, которые продемонстрировал этот россиянин, а также средой, в которую попал (дворянские звания как таковые не особо впечатляли, например, чеченцев, исторически чуждых подобной иерархии). Стойкость и мужество Ф.Ф. Торнау, прошедшего мрачные тамбиевские застенки (которые, по трезвому расчету хозяина, чередовались с периодами отдыха от них и выходами в общество) с достоинством и выдержкой, присущими горцам, принесли ему уважение тех из них, кто стал свидетелем мытарств пленника. Но черкесы оценили не только моральные качества российского офицера, но и его незаурядный ум, проницательность, знание и понимание местных обычаев, умение вести разговор, не нарушая местные этические нормы, способность воспринимать новую социокультурную информацию и пользоваться ей, культурный багаж, имевший практическое применение (врачевание горцев). Будучи каналом в иномир, Торнау вызывал неподдельный интерес той части горцев, которая была от-

¹ Ранее во время разведывательных миссий сопровождавшие разведчика мирные горцы называли Ф.Ф. Торнау вымышленным именем Гассан, выдавая за чеченского абрека.

крыта для внешних контактов и желала больше узнать через гостя поневоле о том, что собой представляла Россия (в том числе Сибирь), о которой среди автохтонов Кавказа ходило столько небылиц, усиливаемых или создаваемых турецкой пропагандой и рассказами местного духовенства. Особое внимание к пленнику проявила черкешенка Аслан-Коз, которая увидела в Торнау того человека, который, явно выбиваясь из местной мужской среды, мог бы стать спутником жизни, достойным девушки, воспитание и знания которой в ее мире являлись элитарными. Но и в этом заключается важный урок пребывания Ф.Ф. Торнау в плену у горцев, не уникальный, впрочем, для случаев нахождения офицеров (и вообще россиян) в неволе у кавказцев: чтобы инкорпорироваться в горскую среду требовалась *смена идентичности*. На это дворянин Торнау, уже в силу принадлежности к своей, российской элите, пойти не мог как по долгу службы, которой он с увлечением и преданностью посвятил себя навсегда, так и по приверженности связанной с ней системе ценностей и образу жизни. Без оных дальнейшее существование Федора Федоровича как самодостаточной личности было бы невозможно.

Как «Воспоминания кавказского офицера» в целом, так и та их часть, которая посвящена плену Торнау, условно принадлежат к жанру российской ориенталистической литературы, занимают в ней достойное место в числе лучших. Они, как правило, чужды пренебрежительному, шовинистическому отношению к горцам, которые воспринимаются не как однородная серая масса кровожадных «варваров», «дикарей» и т.п., а как люди порой с яркими индивидуальными чертами (хаджи Джансеид, Аслан-Коз и др.), у которых, причем даже у, казалось бы, малозаметных (тот же абадзех Хуцы), есть на поверку свои высокие человеческие качества, достойные искреннего и глубокого уважения. В то же время, если попытаться применить при оценке мемуаров Торнау в части описания горцев такое достижение ориенталистической литературы, как образ «благородного дикаря» (Ткаченко, 2015. С. 234–249), то это будет ошибкой, поскольку далеко не все фигуранты повествования Торнау отмечены чертами благородства. Автор стремится воздать должное героям своего повествования, как он его понимает, не демонизируя противостоящих ему горцев, но и не допуская их романтизации. А лейтмотивом его «Воспоминаний» можно считать уже упоминавшиеся выше слова: «Не оправдывая черкесов... я не буду и строго судить их». «Воспоминания кавказского офицера» являются важным и заметным кирпичиком в создании образа Кавказа и кавказцев в отечественной исторической литературе, который и по сей день не является вполне завершенным.

Литература

1. Амбарцумян К.Р. Северо-Западный Кавказ в описаниях англичан Джона Лонгворта и Джеймса Белла: сравнительный анализ // Историческая наука и образование в начале XXI века: проблемы и перспективы развития (к 70-летию факультета истории, философии и искусств) : сб. науч. ст. Ставрополь, 2015.
2. Бестужев-Марлинский А.А. Путь до города Кубы // Сочинения. М., 1958. Т. 1.
3. Великая Н.Н. Пленные славяне в горах Северо-Западного Кавказа // Мир славян Северного Кавказа. Краснодар : Эдви, 2013. Вып. 7.
4. Великая Н.Н. Причины нахождения россиян в среде горцев Северо-Восточного Кавказа (первая половина XIX века) // Кавказский сборник. М. : Русская панорама, 2015. Т. 9 (41).
5. Венюков М.И. Кавказские воспоминания (1861–1863). Нальчик : Изд-во М. и В. Котляровых, 2011.
6. Вердеревский Е. Плен у Шамиля. Правдивая повесть о восьмимесячном и шестидневном (1854–1855) пребывании в плену у Шамиля семейств покойного генерал-майора князя Орбелиани и подполковника князя Чавчавадзе, основанная на показании лиц, участвовавших в событии. В трех частях // Кавказ: в плену у горцев. Нальчик, 2013. Вып. 13, т. 2.
7. Виноградов В.Б. Северокавказский кризис XIX века (раздумья о генеральных перспективах познания и преодоления последствий) // Историко-культурные процессы на Северном Кавказе (взаимодействие, взаимовоздействие, синтез) : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Армавир, 2007.

8. Виноградов В.Б., Гусева Н.А. Горский плен: люди и судьбы. Армавир : Серии б/и, буква П, 2002.
9. Дегоев В.В. Предпосылки Кавказской войны: была ли альтернатива? // Кавказский сборник. М. : Русская панорама, 2015. Т. 9 (41).
10. Записка князя Г.Р. Эристова «по управлению мирными горцами» (1848 г.) (Публикация и комментарии Л.И. Цвижба) // Кавказский сборник. М. : Русская панорама, 2015. Т. 9 (41).
11. Каганович С.Л. Кавказские пленники в русской литературе. М. : Чистые пруды, 2009.
12. Клычников Ю.Ю., Цыбульников А.А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / под ред. и с предисл. Б.В. Виноградова. Пятигорск : Рекламно-информационное агентство на Кавминводах, 2011.
13. Кундухов М.А. Мемуары. Владикавказ : Изд.-полигр. предприятие им. В. Гассиева, 2013.
14. Новикова-Зарина Е. Одиннадцать месяцев в плену у черкесов // В плену у горцев. Нальчик : Изд-во М. и В. Котляровых, 2011. Вып. 3.
15. Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказ: племена, язык, нравы. Нальчик : Полиграфсервис и Т, 2011. Вып. 8.
16. Ткаченко Д.С. Становление российского ориентализма в контексте Кавказской войны // Кавказский сборник. М. : Русская панорама, 2015. Т. 9 (41).
17. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М. : Аиро-XX, 2000.
18. Тютюнина Е.С. Моя Пушкиниана: статьи, эссе. Нальчик : Полиграфсервис и Т, 2011.

References

1. Ambartsumyan, K.R. (2015). Severo-Zapadnyy Kavkaz v opisaniyakh anglichan Dzhona Longvorta i Dzheymса Bella: sravnitel'nyy analiz [North-West Caucasus in the descriptions of the Englishmen John Longworth and James Bell: a comparative analysis] In *Istoricheskaya nauka i obrazovanie v nachale XXI veka: problemy i perspektivy razvitiya (k 70-letiyu fakul'teta istorii, filosofii i iskusstv): sbornik nauchnykh statey* [Historical Science and Education at the Beginning of the 21st Century: Problems and Development Prospects (to the 70th Anniversary of the Faculty of History, Philosophy and Arts): a collection of scientific articles]. Stavropol'.
2. Bestuzhev-Marlinskiy, A.A. (1958). Put' do goroda Kuby. Sochineniya [Way to the city of Cuba. Compositions]. Vol. 1. Moscow.
3. Velikaya, N.N. (2013). Plennyye slavyane v gorakh Severo-Zapadnogo Kavkaza [Captive Slavs in the mountains of the North-Western Caucasus]. In *Mir slavyan Severnogo Kavkaza* [World of the Slavs of the North Caucasus]. Issue. 7. Krasnodar: Edvi.
4. Velikaya, N.N. (2015). Prichiny nakhozheniya rossiyan v srede gortsev Severo-Vostochnogo Kavkaza (pervaya polovina XIX veka) [The reasons for the presence of Russians among the mountaineers of the North-Eastern Caucasus (first half of the XIX century)]. *Kavkazskiy sbornik* [The Caucasian collection]. Vol. 9 (41). M.: Russkaya panorama.
5. Venyukov, M.I. (2011). Kavkazskie vospominaniya (1861-1863) [Caucasian memories (1861-1863)]. Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh.
6. Verderevskiy, E. (2013). Plen u Shamilya. Pravdivaya povest' o vos'mimesyachnom i shestidnevnom (1854-1855) prebyvanii v plenu u Shamilya semeystv pokoynogo general-mayora knyazya Orbeliani i podpolkovnika knyazya Chavchavadze, osnovannaya na pokazanii lits, uchastvovavshikh v sobytii. V trekh chastyakh [Captivity from Shamil. A true story about the eight-month and six-day (1854-1855) stay in Shamil's captivity of the families of the late Major-General Prince Orbeliani and Lieutenant-Colonel Prince Chavchavadze, based on the testimony of the persons who participated in the event. In three parts] In *Kavkaz: V plenu u gortsev*. Issue 13. Vol. 2. Nal'chik.
7. Vinogradov, V.B. (2007). Severokavkazskiy krizis XIX veka (razdum'ya o general'nykh perspektivakh poznaniya i preodoleniya posledstviy) [North Caucasian crisis of the XIX century (reflection on the general prospects of cognition and overcoming the consequences)] In *Istoriko-kul'turnye protsessy na Severnom Kavkaze (vzaimodeystvie, vzaimovozdeystvie, sintez)* [Historical and cultural processes in the North Caucasus (interaction, interaction, synthesis)]: *Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Armavir.
8. Vinogradov, V.B., Guseva, N.A. (2002). Gorskiy plen: lyudi i sud'by [Gorsky captivity: people and destinies]. Armavir: Serii b/i, буква P.
9. Degoev, V.V. (2015). Predposylki Kavkazskoy voyny: byla li al'ternativa? [Background of the Caucasian War: was there an alternative?] In *Kavkazskiy sbornik* [The Caucasian collection]. Vol. 9 (41). M.: Russkaya panorama.
10. Zapiska knyazya G.R. Eristova «po upravleniyu mirnymi gortsami» (1848 g.) (Publikatsiya i komentarii L.I. Tsvizhba) [Note by Prince GR. Eristova "to manage the peaceful mountaineers" (1848) (Publication and comments by LI Tsvizhba)] (2015) In *Kavkazskiy sbornik* [The Caucasian collection]. Vol. 9 (41). M.: Russkaya panorama.

11. Kaganovich, S.L. (2009). Kavkazskie plenniki v russkoy literature [Caucasian Prisoners in Russian Literature]. M.: Chistye prudy.

12. Klychnikov, Yu.Yu., Tsybul'nikova, A.A. (2011). «Tak buynuyu vol'nost' zakony tesnyat...»: bor'ba rossiyskoy gosudarstvennosti s khishchnichestvom na Severnom Kavkaze (istoricheskie ocherki) ["So the violent laws are crowded ...": the struggle of Russian statehood with predation in the North Caucasus (historical essays)]. In B.V. Vinogradov (Ed.). Pyatigorsk: Reklamno-informatsionnoe agentstvo na Kavminvodakh.

13. Kundukhov, M.A. (2013). Memuary [Memoirs] Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie im. V. Gassieva.

14. Novikova-Zarina, E. (2011). Odinnadtsat' mesyatsev v plenu u cherkesov [Eleven months in captivity near the Circassians]. In *V plenu u gortsemv* [In captivity at the Highlanders]. Issue 3. Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh.

15. Stal', K.F. (2011). Etnograficheskiy ocherk cherkesskogo naroda [Ethnographic essay of the Circassian people]. In *Kavkaz: plemena, yazyk, nruvy* [Caucasus: tribes, language, customs]. Issue 8. Nal'chik: Poligrafservis i T.

16. Tkachenko, D.S. (2015). Stanovlenie rossiyskogo orientalizma v kontekste Kavkazskoy voyny [The formation of Russian Orientalism in the context of the Caucasian War]. In *Kavkazskiy sbornik* [The Caucasian collection]. Vol. 9 (41). M.: Russkaya panorama.

17. Tornau, F.F. (2000). Vospominaniya kavkazskogo ofitsera [Memoirs of a Caucasian officer]. M.: Airo-XX.

18. Tyutyunina, E.S. (2011). Moya Pushkiniana: Stat'i, esse [My Pushkin: Articles, essays]. Nal'chik: Poligrafservis i T.

Поступила в редакцию

20 апреля 2018 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Дударев Сергей Леонидович

Доктор исторических наук, профессор
кафедры всеобщей и отечественной
истории, Армавирский государственный
педагогический университет;
E-mail: dudarev51@mail.ru

Sergey L. Dudarev

Doctor of Historical Sciences, Professor,
General and National History,
Armavir State Pedagogical University;
E-mail: dudarev51@mail.ru

Дударев Дмитрий Сергеевич

Кандидат исторических наук;
E-mail: dudarev324@gmail.com

Dmitry S. Dudarev

Candidate of Historical Sciences;
E-mail: dudarev324@gmail.com